

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ТАТЬЯНЫ КОРСАКОВОЙ

Ничего личного	Смертельное танго
Хозяйка колодца	Ты, я и Париж
Третий ключ	Судьба № 5
Дом у Чертова озера	Хрустальное сердце
Пепел феникса	Миллионер из подворотни
Волчья кровь	Мужчины не плачут
Слеза ангела	Паутина чужих желаний
Печать василиска	Вранова погоня
Проклятый дар	Сердце ночи
Музы дождливого парка	Лабиринт Медузы
Самая темная ночь	Темная вода
Час перед рассветом	Снежить
Ведьмин клад	

ЦИКЛ «ИСТОРИЯ ВЕДЬМЫ»

Не буди ведьму
Ведьмин круг
Беги, ведьма!

ЦИКЛ «ГРЕМУЧАЯ ЛОЩИНА»

Гремучий ручей
Шепот гремучей лощины
Усадьба ожившего мрака

ЦИКЛ «СВЕЧНОЙ ЧЕЛОВЕК»

Свечная башня

Глаза у девочки были синие, как августовское небо. Не человеческие какие-то глаза — кукольные. И этими своими синими кукольными глазами она всматривалась в его лицо, запоминала. Она не закрывала их до самого конца. Уже и лицо сделалось лиловым, и дыхание оборвалось, и пальцы перестали цепляться за его одежду, а глаза все глядели, всматривались, запоминали.

— Ну же, — сказал он почти ласково и так же ласково, но неотвратно еще сильнее сжал тонкую детскую шею. — Ну, закрой глазки, маленькая. Хватит уже...

Она то ли послушалась, то ли наконец кончились силы в ее тщедушном тельце, но перед тем, как синие глаза закрылись навсегда, он увидел в них нечто пугающе нездешнее...

Василису Свиридову хватились к вечеру. Не хватились бы и до ночи, если бы не полдник. На полднике младших пересчитывали по головам, как курят. Курятами их называла старшая воспитатель-

ница Лизавета Петровна. Она их — курятами, они ее — Лисапетой. Мирославе оба прозвища казались непозволительными, поэтому она при каждом удобном случае одергивала и воспитательницу, и воспитанников. Не помогало. Не помогало потому, что основатель школы Всеволод Мстиславович Горисветов слишком уж лояльно относился и к персоналу, и к воспитанникам.

Особенная школа — особенные правила. Вот так он любил повторять. И ведь не поспоришь! Потому что правила эти написал он сам. Мирослава пыталась помочь, но от ее более чем дельных советов шеф мягко отмахивался. Или не мягко? За тринадцать лет знакомства Мирослава так и не поняла, чего ожидать от него и его единственного отпрыска. Аристократы! Голубая кровь, белая кость! Титул у них, регалии, деньги, какие Мирославе даже не снились. Еще и усадьба эта!

Горисветово! А как же иначе?! Хозяева Горисветовы, а усадьба, стало быть, Горисветово. Я памятник себе воздвиг нерукотворный... Впрочем, очень даже рукотворный и очень даже памятник! Культурное наследие! Под реставрацию усадьбы Всеволод Мстиславович выбил какие-то немыслимые гранты. Реставрацию провели в кратчайшие сроки и, как думалось Мирославе, очень качественно. Там, где нужны дубовые панели, там они и есть дубовые, а не из крашеной сосны. Там, где был наборный паркет, там он наборным и остался. Семь пород дерева, чтобы вы понимали! И розовый мрамор дешманской плиткой не заменили! Все дорого, стильно, аутентичненько!

А потом, когда из Минкульту выжали все по максимуму, пришел черед Минобра и инвесторов. Еще

поди реши, кто больше вложил в усадьбу — государство или инвесторы. А все ради чего? Ради школы!.. Мирослава отступила от французского окна, у которого стояла вот уже минут пятнадцать, поежилась.

Да, школа была не простая, а золотая. Не в том смысле, что для золотой молодежи, хотя и этих зажавшихся говнюков в Горисветове хватало. Школа была для одаренных детей. Мирослава подозревала, что как раз под эту «одаренность» Минобр деньжат и отстегнул. А уж инвесторы — под золотую молодежь.

С идеей этой особенной школы Всеволод Мстиславович носился как дурень с торбой. Так сказала бы Мирославина бабуля, царствие ей небесное! Бабуля и ум, и язык имела острый. Она бы мигом пристроила этот горисветовский дворец под что-нибудь полезное. Под отель, например! Или под элитный пансионат! Под лечебницу еще можно было бы. Потому что локация уж больно удачная, а места уж больно красивые. Все самое необходимое для дорогого и экологичного отдыха под рукой: и лес, и река, и заливные луга. Опять же цивилизация близко. Деревня всего в двух километрах, а город в двадцати. Вот так бы поступила Мирославина бабуля. Ну, или сама Мирослава, если бы ее спросили. Но ее, разумеется, никто не спрашивал. Ни Всеволод Мстиславович, ни его сын Славик. А все потому, что у Горисветова-старшего была идея фикс! То есть идея фикс была у его прабабки, а он всего лишь подхватил упавшее знамя.

Мирослава обернулась, вперила взгляд в портрет дамы, яркой и даже по нынешним стандартам красоты весьма сексапильной. Портрет висел на самом

видном месте, прямо под фамильным гербом. Герб был прост и незатейлив: горящая свеча над двумя скрещенными мечами. Свеча как светоч знаний, мечи как символ боевого прошлого. На рассказы о боевом прошлом Всеволод Мстиславович не скупился, а вот про прабабку информации было совсем немного. Мирославе удалось узнать лишь, что Агния Витольдовна была дамой по тем временам продвинутой и решительной. Рано овдовев, она с большим умом сумела распорядиться немалым наследством, доставшимся от супруга.

Про красоту и ум вдовствующей графини ходили легенды, но замуж она больше не вышла, жизнь вела уединенную и затворническую, а уж смерть ее и вовсе стала тайной за семью печатями. Никто о том, как и когда покинула этот бранный мир Агния Горисветова, не знал или если даже и знал, то не желал распространяться. По крайней мере, никакой информации об обстоятельствах ее кончины Мирослава так и не нашла. Одни лишь сплетни и глупые домыслы. Впрочем, и искала не так чтобы очень старательно. Все как-то не до того было с этой чертовой школой.

Кстати о школе! Тогда она называлась по-простому — приютом для одаренных сирот. Разумеется, никакой золотой молодежи! Чистейшей воды альтруизм и подвижничество! Агния собирала перспективных сироток по всей стране, давала пищу и кров, развивала их таланты. Согласно семейной легенде, из сироток выросли весьма незаурядные личности. Ученые, музыканты, врачи. Имелся даже один дипломат. Вот такой удивительной личностью была Агния Горисветова! Настолько удивительной, что слава

ее не давала покоя Всеволоду Мстиславовичу. Догоним и перегоним прогрессивную бабульку! Дальше, выше, быстрее! Или как там было в оригинале?..

Мирослава поморщилась, отвернулась от портрета. Тетка на портрете, хоть и была вполне себе секси, но смотрела недобро. Наверное, чуяла, что Мирослава зарится на ее высококельможную кровиночку. А Мирослава зарилась не на кровиночку, а на вот это вот все!

Она посмотрела на открывающийся с высоты второго этажа пейзаж. Сентябрь выдался на удивление теплым, по-летнему жарким, но скоро осень позолотит макушки старых парковых кленов, а потом они станут багряно-красными, как мантия несравненной Агнии. Лес и овраг еще держатся, сохраняют сочную зелень, но скоро и их коснется дух увядания. Сразу, как только солнце утратит свою прежнюю власть. А пока солнечные лучи подкрашивают рыжим стены Свечной башни. Из этого окна башню не увидеть. Да и не очень-то хочется на нее смотреть! Жуткая постройка, вырывающаяся из общей благостно-пасторальной композиции усадьбы. Ни уму, ни сердцу, как сказала бы Мирославина бабушка. Но Свечную башню построила не Мирославина бабушка, а горисветовская была в своем праве — блажила как хотела! И, пожалуй, впервые изменила чувству стиля и вкуса.

Свечная башня носила это странное название по двум причинам. Во-первых, она была похожа на свечу. Огромную черную свечу с виртуозно симитированными наплывами воска и смотровой площадкой в форме застывшего пламени. Пожалуй, Свечная башня единственная не подверглась никакой передел-

ке. Как стояла больше сотни лет гигантским черным подсвечником, так и осталась стоять. И механизм, имитирующий пламя свечи, говорят, работал еще лет пятьдесят назад. Сложный какой-то механизм, высокотехнологичный для того времени. Когда он работал, башня превращалась в самую настоящую гигантскую свечу. Этакий циклопический светоч. Вот вам и вторая причина! Спроектировал и построил этого монстра чумовой архитектор Август Берг. Мирослава специально погуглила. Берг и в самом деле был чумовой, как сказали бы воспитанники горисветовской школы. Один только замок посреди озера чего стоил! Готика на окраине провинциального уральского городка Чернокаменска. Поди ж ты, какой затейник!

К башням у Берга была какая-то особенная слабость. Мирослава насчитала с дюжину. Это если не брать во внимание уже разрушенный, но сохранившийся на репродукциях и открытках чернокаменский маяк. Если здешняя башня была похожа на свечу, то тамошний маяк — на огромную, вздымающуюся к небу черную змею. Затейник, что ты скажешь!

Мирослава зябко поежилась, возвращаясь мыслями к пропавшей Василисе Свиридовой. Может, и не пропавшей вовсе! Скорее всего, не пропавшей, но маменька ее уже позвонила в школу, устроила истерику, когда ее кровиночка не пришла домой. Значит, нужно озаботиться поисками девочки. Именно ей озаботиться, потому что большой босс в Москве, а Славик и вовсе за границей на каком-то чертовом симпозиуме. И действовать нужно быстро, пока не поползли слухи, что из элитной школы пропадают воспитанники. За такое Всеволод Мстиславович по головке не погладит.

Вообще-то, Василиса была не совсем воспитанницей, не на полном, так сказать, довольствии. Тот самый случай с грантами для поддержки талантливой, но малоимущей детворы. Их, таких талантливых и малоимущих, в Горисветове было процентов десять. Всеволод Мстиславович называл их десятиной. Посильный вклад в развитие и поддержку провинциальных гениев. Как раз чтобы не упасть в грязь лицом перед Минкультом и Минобром. Ну, и перед боженькой чтобы засветиться. Вот он я — меценат и подвижник Всеволод Горисветов! Это уже инвестиции в будущее, очень далекое будущее. Но такой человек, как Всеволод Мстиславович, ничего не пускал на самотек.

Вот так и вышло, что двенадцатилетняя Василиса Свиридова стала частью этих инвестиций. Была ли она из малоимущей семьи? Безусловно! Василисина маменька работала в деревенской библиотеке. Какое уж тут имущество от такой работы? Имени папеньки в Василисиной анкете и вовсе не значилось. Получалось, что девочка из неполной, малообеспеченной семьи. Была ли она талантлива? На взгляд Мирославы, была! Она рисовала. И это были не какие-то подростковые каляки-маляки, которые с большой натяжкой и лишь под определенным углом зрения сошли бы за примитивизм или абстракционизм. Это были взрослые, совершенно самодостаточные картины. Хотите — стремительные карандашные наброски! Хотите — нежнейшая акварель. А хотите — портрет с фотографической точностью. И везде эта искра гениальности. Один раз увидишь, не забудешь уже никогда. У Мирославы было уже две картины Василисы, и она думала, что когда-нибудь они станут

прекрасными инвестициями в не менее прекрасное и безбедное будущее.

Поскольку девочка была из местных, то не было никакой необходимости в ее постоянном проживании в Горисветове. Так, полупансион с двухразовым питанием, формой с вышитым золотом гербом, продвинутой школьной программой, похвастаться которой могли далеко не все столичные гимназии, и индивидуальными занятиями живописью, графикой, композицией, скульптурой и историей искусств. Учителя приезжали в усадьбу несколько раз в неделю специально ради Василисы. Впрочем, в этом как раз не было ничего удивительного. Школа практиковала и пропагандировала индивидуальный подход к каждому из своих воспитанников. Помимо перечисленных плюшек имелся и еще один существенный бонус. Василиса получала стипендию, которая в несколько раз превышала зарплату ее маменьки. Как маменька распорядилась этими деньгами, Мирославе было наплевать, ее больше заботило то, что происходило с воспитанниками в стенах школы. А теперь вот оказывается, что и происходящее за стенами тоже в сфере ее интересов и ответственности...

За спиной гроыхнуло, скрипнуло, послышался тяжкий вздох. Это вернулась отправленная с распоряжениями Лисапета. Комплекция у этой дамы была такой, что передвигалась в пространстве она очень громко. Наверное, специально для того, чтобы воспитанники успевали замести следы своих мелких детских преступлений задолго до появления старшей воспитательницы.

Мирослава тоже вздохнула, обернулась.

— Лизавета Петровна, ну что? — спросила

она своим специальным официальным тоном. Таким тоном она разговаривала почти со всеми обитателями школы. Вынужденная мера, как сказала бы ее бабушка. Слишком молода, чтобы внушать доверие. Слишком красива, чтобы внушать симпатию. Остается давить авторитетом и вот этим своим официальным тоном.

— В школе ее нет, Мирослава! — Отдуваясь и обмахиваясь картонной папкой с надписью «Дело №», сообщила Лисапета. Эта во всех отношениях выдающаяся дама упрямо отказывалась называть Мирославу по имени-отчеству.

— Сергеевна, — сказала Мирослава мягко, но с намеком на угрозу в голосе. — Мирослава Сергеевна, будьте так любезны.

Лисапета снова вздохнула, кивнула.

— Нет ни в учебных классах, ни в мастерской, ни на конюшне, ни вообще на территории, — пробасила она. — Я отправила спортсменов, чтобы прочесали парк.

Мирослава раздраженно покачала головой. Спортсменами Лисапета называла четверых великовозрастных балбесов из золотой молодежи. Спорт их был так же красив, бесполезен и дорог, как и они сами. Большой теннис — это тебе не шахматы! Это тебе корты, ракетки, форма! Это тебе тренер, выписанный аж из самой Москвы. И в перспективе поездки на зарубежные турниры. Спортсмены были проектом инвесторов, а не Минобра, поэтому, кроме регулярных немалых пожертвований, ничего в копилку школы не приносили. Зато были постоянным источником Мирославиной головной боли, умели влипать в неприятности, поэтому требовали неусып-

ного контроля. И вот Лисапета отправила их на поиски Василисы Свиридовой!

— Нашли кого отправить, Лизавета Петровна, — процедила Мирослава сквозь сжатые зубы.

— Кто под руку попался, того и отправила, — проворчала Лисапета. — А что мне, по-вашему, раздвоиться?

— По-моему, вам следует лучше выполнять свои профессиональные обязанности, — отчеканила Мирослава и, предотвращая возможные возражения, махнула рукой.

Лисапета намек поняла. Она была упрямой теткой, но четко знала, за какую черту заступать не стоит, умудрялась балансировать на самой грани.

— Если девочки нет ни в здании, ни на территории, значит, нужно снарядить поисковую экспедицию! — Мирослава решительным шагом направилась к выходу из кабинета.

Она сама намеревалась возглавить эту экспедицию. Как говаривала бабуля, хочешь, чтобы дело было сделано хорошо, сделай его сама. Кажется, придется.

— Кого назначим? — Лисапета двинулась следом. — В спасательную экспедицию кого возьмем, Мирослава?

— Сергеевна, — процедила Мирослава, не обращаясь. — И не в спасательную, а поисковую. Типун вам на язык, Лизавета Петровна!

Лисапета за ее спиной хмыкнула, засопела, но не обиженно, а озадаченно.

— Две дороги ведь до деревни, — рассуждала Мирослава на ходу. — Тропинка и круглой путь. Так?

— Так. Но кружной путь — это крюк в три километра, тогда как можно напрямки через овраг, — отозвалась Лисапета. — Девочка ж деревенская была. Зачем ей?

Мирослава остановилась так стремительно, что не успевшая затормозить воспитательница едва не сшибла ее с ног.

— Почему была? — спросила она, глядя на Лисапету снизу вверх. — Что вы такое говорите?! Василиса Свиридова жива и здорова! Мы найдем ее в течение получаса!

Она говорила зло и уверенно, но по позвоночнику вдруг пополз мерзкий холодок. Он полз от затылка к копчику, оставляя на коже липкий след. Так отзывалась на неминуемые неприятности Мирославина интуиция.

— Который час? — спросила она и тут же бросила взгляд на свои наручные часы.

— Четверть пятого. — Лисапета тоже посмотрела на ее часы. — Так кого пошлем, Мирослава Сергеевна?

И никакой многозначительной паузы между именем и отчеством, все четко и, кажется, испуганно.

— Валик еще не уехал в город?

Валик Седой был спортивным тренером. Тренировал он не золотую теннисную молодежь, а всех остальных воспитанников. В здоровом теле — здоровый дух! Еще одна догма, которой следовал Всеволод Мстиславович.

— Уехал.

Мирослава снова многозначительно глянула на часы. Рановато уехал Валик, почувствовал вольницу в отсутствие большого босса. Придется с ним пого-

ворить. Сначала мягко, по-дружески, а там уж как получится. Жизненный опыт подсказывал Мирославе, что с людьми из прошлого очень сложно сохранять дистанцию. Они все время норовят эту дистанцию нарушить либо и вовсе сократить до минимума. Валик однажды попытался, прижал Мирославу в учительской, приготовился лапачь. Так сказать, по старой памяти. Потом долго ходил враскоряку, потому что, оказавшись зажатой в углу, Мирослава сначала действовала, а потом уже думала. С того самого дня отношения у них установились дипломатические и дистанцию Валик больше не нарушал. Наоборот, старался увеличить ее до максимально возможной. Вот уже с работы свинтил.

— Так они все того... с оказией уехали, — сообщила Лисапета не без злорадства. — У Семена Яковлевича прихватило спину, за ним зять из Чернокаменска приехал на микроавтобусе, ну вот они и того... уехали. Мирослава, да что ж тут страшного-то?! Уроки уже полчаса как закончились, чего людям еще полчаса мучиться?

— Сергеевна, — сказала Мирослава с нажимом.

— Сергеевна, — послушно повторила Лисапета. — Да не злитесь вы. Все ж живые люди.

— Хоть кто-нибудь остался?

Она не злилась, она просто сделала зарубку на только ей одной видимой стене памяти. Еще одну зарубку в длинной череде.

— Этот еще не уехал, кажись! — Лисапета прищелкнула пальцами, наверно вспоминая имя единственного ответственного учителя школы. — Фрост! Видела пару минут назад его монстру.

— Фрост?! Это кто вообще? — Мирослава нахмурилась. Всех учителей школы она, разумеется, знала, но об этом слышала впервые. Еще и монстра какая-то...

— Хакер, — усмехнулась Лисапета.

— Не помню такого.

— Потому и не помните, что он — внебюджет... Или как там правильно называется? Благотворительность?.. Одним словом, он не числится в штате, никому не подчиняется. Сам по себе он, вот как!

В Горисветове никто и никогда не был сам по себе. На всех имелась папочка с личным делом и файл на компе большого босса. Мирослава подозревала, что даже на нее. А хакер по фамилии Фрост, выходит, был сам по себе. Или это вообще не фамилия?..

— С чего бы? — спросила она, ни к кому конкретно не обращаясь.

— С того, что бесплатно работает. Сказал, не надо денег. Представляете?! Кому в наше время не надо денег?!

— Хорошему айтишнику, может, и не надо. Вот только не много я видела среди них меценатов. Наверное, добрейшей души человек, раз бесплатно согласен работать? — Мирослава посмотрела на Лисапету.

— Да кто ж его знает? — та пожала плечами. — По виду оболтус оболтусом.

— Ладно, главное, чтобы еще не уехал!

На оболтуса и хакера Фроста у Мирославы уже имелись конкретные планы. Пусть поучаствует в поисках Василисы, раз уж такой добрый. Она сдернула с вешалки пиджак.

— Зовем на помощь всех, кто подвернется под руку!

— Старшекласников еще можно... — поддакнула Лисапета.

— Старшекласников нельзя, — отрезала Мирослава. — Не хватало еще детей в это впутывать.

— Во что — в это? — почему-то шепотом спросила Лисапета. — Мирослава, ты думаешь, оно снова...

— Хватит! — рявкнула Мирослава. — В последний раз предупреждаю вас, Лизавета Петровна, о необходимости соблюдения субординации! И прекратите мне эту... — Она сделала глубокий вдох. — Прекратите панику, — закончила уже почти спокойно.

Она не стала слушать, что ответит Лисапета, решительным шагом вышла из кабинета, сбежала по беломраморной лестнице в холл первого этажа. Ей бы не бежать, как глупой школьнице, а спускаться степенной походкой, потому что вид бегущего генерала в мирное время вызывает смех, а в военное — панику. Так сказала бы бабуля. Но именно паника заставляла Мирославу перепрыгивать сразу через две ступеньки, рискуя сломать либо каблуки, либо ноги. Переобуться бы, но некогда. Она и без того потеряла непростительно много времени, доверив поиски девочки Лисапете. Лисапета, кстати, не отставала, Мирослава слышала ее сопение за своей спиной.

Оказавшись на крыльце, Мирослава осмотрелась. Школа жила своей привычной жизнью. Со стороны конюшен доносилось конское ржание, а со стороны стадиона — молодецкое. Старшекласники,